
Слово старого советского учёного в защиту мира

Речь, произнесенная 20 августа 1950 года в Останкинском парке культуры и отдыха

Александр Федорович Котс

На мою долю выпала почетная, священная обязанность включить свой голос в хор миллионов голосов в защиту мира.

Эта миссия почетная, поскольку выступаю я, как сын Великого Народа, и она священная, поскольку речь идет о судьбах человечества и об угрозе ее истинной культуре.

Все мы знаем, что в переживаемое время шар земной идейно раскололся на два стана: на творцов, создателей этой культуры и ее душителей и палачей.

И потому обязанность любого человека в наши дни — возвысить голос свой в защиту подлинной гуманистической культуры, именно культуры совести и сердца, без которой гибель человечества неотвратима, неизбежна.

Но тем больший долг Советского ученого — активно выступить за дело чести и достоинства, правды и права человечества.

Начну издали, пытаюсь мысленно перенестись за шесть десятков лет назад, в ту пору, когда не было ни рентгена, ни радио, ни самолетов, ни «крылатых крепостей», в ту пору, когда «атомы» считались неделимыми, когда «атомное ядро» мирно покоилось в себе, ничем не выдавая своей грозной и двуликой мощи, как врага и друга человечества.

В ту пору, здесь, в **Останкине**, десятилетним мальчиком мне приходилось собирать жучков и бабочек: то было первое безвестное начало основания **Дарвиновского Музея**.

Но проходит более полвека, и сейчас, открыто выступая на **Останкинской** же территории, я буду говорить не только от себя, но и от имени десятков, сотен тысяч человеческих сердец, людских умов, мною обслуженных за столетия.

И вот, охватывая общим взглядом эту массу лиц, мою былую аудиторию, я с теплым, но двояким чувством, вспоминаю их двойной состав.

Группа одна — наша здоровая и жизнерадостная молодежь, с ее громадной тягой к знанию, к активной, творческой работе, горячо и радостно воспринимающая все богатства нашей социалистической культуры, мир чудесных форм и красок, ярких чувств, глубоких, светлых мыслей, так глубоко благодарная за получаемые знания...

Из множества прекрасных строк признания, написанных неопытной рукой, да будет мне позволено здесь привести лишь два высказывания, одно в стихах, другое — прозой.

Стихотворное признание — семнадцатилетней девочки:

«Мы все откроем, все познаем,
Проникнем в глубину до дна..
Как золотым, цветущим Маем,
Жизнь жаждой знания полна!»

А вот другое — прозой — юной Комсомолки Школы Рабочей Молодежи. Ограничиваюсь первой и последней строчкой. В них всего **семь** слов:

«Как интересно жить в нашей чудесной Советской стране!»

Таков ведущий тон идейной жизни всей нашей чудесной молодежи: Жить творчески трудясь для **мирного** строительства нашей Великой Родины и лишь через нее для блага **мира**, мировой культуры прогрессивного, передового человечества!

Но вот картины, образы иного рода.

Я гляжу на скромный, небольшой эмалевый значок в петличке на моей груди. «**Отличник Здравоохранения**». Я получил его по окончании Войны за мою скромную работу в дни нашей Великой Обороны, в те незабываемые дни, когда на мою долю выпала почетная и скорбно-радостная миссия прочесть **тысячу** лекций тысячам больным и раненым защитникам нашей Великой Родины в шести подшефных **Дарвиновскому Музею** госпиталей.

О, эти раненные воины на госпитальных койках! Сколько их прошло в ту пору у меня перед глазами! Тысячи, десятки тысяч! Образы, незабываемые по трагизму и по вызываемому им чувству горести и сострадания...

Вот — рослая и стройная фигура юноши, задрапированная сверху донизу халатом. Ловкое — увы! — привычное движение корпуса, халат соскальзывает с плеч и перед Вами образ, уступающий по целостности «миловской статуе».

Высокая фигура молодого воина..без всякого следа обеих рук, отрезанных у самых плечь..Торс, ноги Антиноя, но напрасно глаз наш идет продолжения обычных линий: руки, вылущены в плечевых суставах!

Не успели Вы в себя притти от ужаса, как образ, еще более гнетущий захватил Ваше внимание.

Вас просят несколько посторониться, уступить дорогу медсестре, несущей на руках больного..

Вы невольно отступаете.. но что это?

Поспешно, чуть не бегом, молодая девушка пронесит перед Вами торс, да **именно один лишь торс** живого человека, с головой, руками, но без всякого следа обеих ампутированных ног, отрезанных выше колен..

Только теперь Вам ясно, почему так быстро и легко тщедушная сиделка пронесла живого взрослого мужчину.. Ведь несла она лишь половинного по весу человека!

Вы отводите Ваш взгляд, но только для того, чтобы напасть на образ, еще более кошмарный..

Перед Вами — распростертая на койке мощная фигура рослого советского солдата.

Не в пример двум предыдущим случаям, здесь вражеская мина пощадила руки, ноги, но разбила самое неповторимое, что существует в жизни, уничтожило **лицо**, в самом буквальном смысле слова.

Несколько пониже глаз — одна зияющая яма, без зубов, без губ, без языка, без носа...

Человек, лишившийся «лица». Разбито «зеркало души». Навек потерянная речь. Навек утраченная власть улыбки!

И сопоставляя эти три гнетущих образа, мысль терялась в скорбном приговоре и решении того, кому из этих **трех** пришлось дороже заплатить за счастье и улыбки **Родины**?!

Прошло сравнительно немного лет и эти жуткие трагические образы как будто снова оживают при все возрастающих раскатах и зарницах угрожающей нам вновь войны.

Казалось, Мир устал от слез и крови предыдущих войн...

Так нет же! Кое-кому, там, за каналом и за океаном не хватило долларов и стерлингов, пропитанных этою кровью, этими слезами!

Что им образы, набросанные мною, взятые из жизни?!

Что им эти миной обезличенные лица, обезноженные, обезрученные торсы?!

— «Были бы доходы!» — так цинично рассуждают Макаруры и Трушены с щегольски обутыми ногами на столах и со стаканами пошляцкого «Кок-Тейля» в цепких к золоту руках...

— «Но да не будет этого!» — так хочется сказать, нет! крикнуть всем этим презренным торгашам людскою кровью и людским страданием.

Еще не все подкуплено для наших гнусных барышей на этом свете! Есть еще на большем протяжении его и честь, и совесть, неподкупность нравственного чувства, как они имелись некогда на родине великого «Апостола Гуманности» **Теодора Паркера**, ваших бывших писателей морального диапазона **Бичер-Стоу** и **Эмерсона**, как она имела, эта настоящая культура совести и сердца, освещавшая когда то жизнь **Роберта Оуэна** и **Чарльза Дарвина** и как она присуща ныне тысячам правдивых и простых людей Америки и Англии, наперекор гонениям и травле...

И во имя этой подлинной, единой и демократической культуры, а тем самым **мира** во всем мире, мы, Советские ученые, считаем своим долгом заявить всем пожигателям войны, этим разбойникам с большой «проезжей мировой дороги»:

— «**Руки прочь от Вьетнама, от Кореи, от Китая!** Победят призывы **МИРА**, идеалы **жизни**, а не **смерти!**»

Десять лет без малого тому назад, в тот грозный час, когда Москва уж грезилась фашистским полевым биноклям, вся страна Советская глубоко верила словам **вождя** и знала, что Москва не будет отдана и что победа обеспечена за нами!

Так и ныне, в грозный, судный день, когда решается судьба всего земного шара и его культуры, весь передовой культурный мир, вверяясь вашему призыву **Сталина**, — в котором воплощается сейчас вся мудрость, мощь и совесть мира, — выражает свое пламенное убеждение:

«**Мир победит войну! Он победит, во что бы то ни стало! Быть не может, чтобы он не победил!**»